

Андрей Бузин

Оценка нарушений при голосовании на выборах мэра Сочи 26 апреля 2009 г.

Что это было

Традиционный слоган избиркомовских начальников — «Жалоб, влияющих на ход проведения голосования и соблюдение закона о выборах, нет» — произнесен и в Сочи. Сроки подведения итогов выборов в нашей стране стремительно сокращаются: зачем задерживать людей в избирательных комиссиях, если и так все заранее ясно? Это в какой-нибудь мелкой Грузии могут две недели подводить окончательные итоги голосования, в огромной же России ЦИК успевает сделать это за четыре дня, оперативно, но тщательно рассмотрев при этом все жалобы.

Понятно, что младшие товарищи берут пример со старших. Когда утром во вторник я позвонил в горизбирком Сочи с вопросом о дате итогового заседания комиссии, то выяснилось, что оно было проведено в понедельник. Неудивительно, что горизбирком не заметил нарушений (изначально было сказано, что жалобы в горизбирком вообще не поступали) и устами своего председателя заявил о том, что они несущественны. Точно так же наш ЦИК обнаруживает по всей стране всего 600 мелких нарушений на выборах президента, большинство из которых «не подтверждается» нижестоящими комиссиями, а значит, являются инсинуациями.

Весь этот спектакль с нарушениями на выборах повторяется на всех уровнях. Давайте разберемся на примере Сочи, благо здесь я имел возможность посмотреть все своими глазами и, в отличие от официальных государственных и псевдообщественных туристов-наблюдателей, самостоятельно посетил 22 избирательных участка, при этом осознавая, что должно на них происходить.

Для тех, кто не хочет вдаваться в подробности, скажу сразу: в этой статье НА ОСНОВЕ ИМЕЮЩИХСЯ ДОКУМЕНТОВ я утверждаю, что голосование в Сочи прошло с массовыми нарушениями закона. Я не утверждаю, что если бы этих нарушений не было, то был бы второй тур; скорее всего не было бы. Полагаю, что результат избранного мэра Пахомова был бы процентов 57–58. Другое дело, что в этой избирательной кампании

был не только сильно задействован административный ресурс, но и имелись очевидные крупные нарушения закона по части агитации и незаконно был отстранен от выборов кандидат А. Лебедев, «размывавший» электорат Пахомова. Но это — другая история. Не берусь говорить, кто победил бы, если бы не было нарушений духа и буквы закона в период до дня голосования. Но точно знаю, что это была бы другая страна.

Надо отдать должное государственным политтехнологам: на этих выборах они поступили нестандартно и равномерно «размазали» все нарушения по стадиям избирательной кампании.

В этой заметке я говорю только о голосовании и подсчете голосов. На этот раз удалось собрать и документировать целый букет классических административных приемов, практикующихся на наших выборах во всех регионах в большей или меньшей степени и противоречащих закону. Эти приемы всегда остаются незамеченными нашими избиркомами. Нижестоящими — по той причине, что они считают закон необязательным, вышестоящими — по причине сильной вовлеченности в административную корпорацию. Впрочем, не менее важной причиной является то, что по большому счету не избиркомы организуют выборы.

Для меня выборы в Сочи были большой удачей. Я прямо или косвенно участвовал в полусотне избирательных кампаний. Уровень наблюдателей, с которыми я имел дело в Сочи, был необычно высок. Объясняется это просто: в Сочи со всей страны, в основном за свой счет, в штаб Немцова приехали идеологически мотивированные граждане, уже имевшие опыт столкновения с нашими выборами. Конечно, не все было гладко, не все оказались достаточно квалифицированными, были значительные трудности в организации наблюдения. Но нам удалось добиться беспрецедентных результатов общественного наблюдения сразу по трем позициям: 1) были собраны заверенные копии протоколов с 75% избирательных участков; 2) были получены (на моей памяти впервые за всю историю выборов) 73 акта об итогах досрочного голосования, что позволило оценить качество досрочного голосования; 3) удалось документально в форме заявлений в избиркомы зафиксировать традиционные нарушения. Слова о том, что в горизбиркоме мало заявлений о нарушениях (как и в ЦИКе), свидетельствуют только о том, что эти заявления до горизбиркома не дошли (как они не доходят до ЦИКа). В штабе Немцова было собрано 36 правильно оформленных жалоб, некоторые из которых содержат сообщения о множественных нарушениях.

Не могу не отметить, что в наблюдении штаб Немцова взаимодействовал со штабом коммуниста Дзаганя. Представители КПРФ действовали на этот раз очень грамотно. В двух случаях имен-

но их усилиями были предотвращены нарушения при голосовании на дому.

На большинство заявлений ответов нет: они ушли в небытие. Некоторые, естественно, не подтвердились. Те, которые подтвердились, «не повлияли на волеизъявление избирателей». И ТАК ПОЧТИ ВСЕГДА И ПО ВСЕЙ СТРАНЕ. И мы слышим эту ложь после каждых выборов из уст тех, кто назначен декорировать российские выборы. И не верим, потому что своими глазами видим другое.

Теперь самое время оценить собранные документы.

Досрочное голосование

Несомненно, основной вклад в искажение итогов на этапе собственно голосования внесло досрочное голосование. Почти четверть (24,3%) из тех, кто проголосовал, сделали это досрочно. Такой высокий процент — очевидный показатель «не вполне добровольного голосования». Естественный процент досрочного голосования — 2–5% от числа проголосовавших. Даже с учетом того, что в день выборов многие избиратели посетили кладбища, о чем неустанно и заученно толковали организаторы выборов. Впрочем, сочинские организаторы выборов не переплюнули рекорд Лукашенко, за которого досрочно проголосовала на последних выборах треть избирателей.

У меня нет письменных подтверждений тех методов, которыми убеждали голосовать государственных и муниципальных служащих, бюджетников и солдат-срочников (которые, по закону, вообще-то и голосовать на местных выборах не должны). Но есть несколько интересных фактов, добытых в день голосования (еще раз повторю, что факты представлены не слухами, а заявлениями в избиркомы). Заметим, что факты вполне могли бы стать предметом уголовного преследования.

Вот, например, жалоба, поданная в участковую избирательную комиссию (УИК) № 4609. «В списке избирателей стоит отметка о досрочном голосовании избирателя Г. ...По данным опроса его матери и жены, он уже два года является инвалидом, не ходит и не мог голосовать досрочно. А также проживает по другому адресу, не относящемуся к УИК № 4609...». Ответом была попытка изгнания жалобщика (члена УИК с правом решающего голоса) из помещения для голосования, осуществленная под присмотром милиции.

Член УИК № 4442 усомнилась в том, что за один день в ее комиссии могли проголосовать сразу 40 человек с подозрительно похожими подписями, и она сфотографировала реестр голосования на дому. Однако решением комиссии «цифровые фотографии были изъяты».

На участке № 4504 пришедшие голосовать избиратели в количестве семи человек обнаружили,

что они уже досрочно проголосовали. Некоторые из этих избирателей тем не менее проявили настойчивость в отстаивании своих избирательных прав и написали заявления о том, что они не голосовали досрочно. В составленном избирательной комиссией акте указано, что избиратели (перечислены семь фамилий) заявили, что они досрочно не голосовали. Что было дальше — неизвестно; скорее всего этих избирателей внесли в дополнительный список, но уверен, что никакого уголовного дела по 142-й статье УК (фальсификация избирательных документов) не будет.

А вот избирателю М., пришедшему на тот же участок, по-видимому, раньше упомянутых выше семерых и обнаружившему, что он уже проголосовал досрочно, так и не удалось получить бюллетень: комиссия определила у него «легкую степень опьянения».

Избирательнице К., обнаружившей себя в списках досрочно проголосовавших на участке № 4503, тоже не дали проголосовать. По этому поводу появилось решение комиссии: «Произошла техническая ошибка, решили исправить ситуацию». Интересно, сколько таких «технических ошибок» было на этих выборах?

На участке № 4423 наблюдатель, участвуя в «выездном» голосовании, наблюдал замечательную картину: когда двое избирателей собирались уже проголосовать на дому, появился их сын и заявил, что он уже проголосовал за себя и за своих родителей досрочно. Решение комиссии по поводу этой жалобы отсутствует, а «на нет и суда нет».

Закон предусматривает возможность составления акта об отдельном подсчете голосов, поданных при досрочном голосовании. Учитывая это и предвидя развитие ситуации, в пятницу 24 апреля я имел беседу с председателем сочинского избиркома Юрием Александровичем Рыковым, которому и сообщил эту новость. Рыков, посоветовавшись со старшими товарищами, признал мою правоту. Хотя некоторые комиссии все равно сопротивлялись отдельному подсчету голосов, такое развитие событий позволило штабу Немцова собрать 73 акта досрочного голосования, что соответствует трети УИК. Этого достаточно для статистического анализа. Результаты отдельного подсчета в Таблице 1 показывают значительную, хотя и некритическую разницу в структуре досрочного и «недосрочного» голосования.

Голосование вне помещения

Свою лепту в победу Пахомова, по-видимому, внесло и голосование вне помещения, которым воспользовались 12% от общего числа проголосовавших избирателей. Количественно эту лепту оценить трудно, поскольку отдельного подсчета голосов по голосованию вне помещения не пред-

Таблица 1. Результаты отдельного подсчета голосов по досрочному голосованию на выборах мэра Сочи, %

	Дзаганя	Емелья- ненко	Колес- ников	Немцов	Пахомов	Труханов- ский	Недейст- вительные бюллетени
По всем УИК (официальный, от общего количества проголосовавших)	7,5	1,0	1,3	14,3	72,2	0,5	3,3
В актах итогов досроч- ного голосования	2,8	0,8	0,7	5,8	86,1	0,4	3,4
По итогам голосования за вычетом досрочного голосования	9,1	1,0	1,5	17,3	67,4	0,5	3,2

усмотрено. Но можно с уверенностью утверждать, что голосование вне помещения производилось с массовыми нарушениями закона, которые, впрочем, типичны для всех российских выборов.

Сочинские избирательные комиссии в своей массе использовали вместо предполагаемых законом «реестров заявлений на голосование вне помещения» списки, поступившие к ним из собесов или из территориальных комиссий (в России еще иногда используются списки от ветеранских организаций, руководителей медицинских учреждений и воинских частей). Поэтому неудивительно, что многих избирателей, якобы подавших заявления, не оказывалось дома, а многие выражали удивление самостоятельностью комиссий. Посетив 22 УИК, я увидел (и даже сфотографировал) эти списки, услышал жалобы на неосознанность граждан. Ну а те, которые были привлечены таким образом к «свободному волеизъявлению», внесли свою лепту в победу Пахомова, поскольку выбирали они по принципу «узнаваемости», а узнаваемость могла прийти к ним только из телевизора, в крайнем случае из муниципальных газет, распространяемых почтой бесплатно и огромными тиражами.

Что можно узнать из имеющихся копий жалоб, которых для Ю.А. Рыкова, В.Ф. Галушко (председатель избирательной комиссии Краснодарского края) и В.Е. Чурова не существует?

Наблюдатель и члены УИК № 4651 пишут: «Реестр голосования вне помещения отсутствовал. Фактически реестр был составлен после возвращения в УИК всех переносных урн... Заявки принимались без составления реестра, кроме того, за полтора часа количество заявок увеличилось с 25 до 170. Причем члены комиссии не смогли объяснить такое огромное количество заявок».

Кстати, история этого заявления несколько приоткрывает завесу над загадкой «отсутствия нарушений на наших выборах». Подано оно в территориальную комиссию (ТИК) по той причине, что (как указано в самом заявлении) обращение собственно в УИК «было порвано на мелкие кусоч-

ки заместителем председателя УИК Шуклиновой Мариной Григорьевной». Эта же организатор выборов в дальнейшем порвала даже список присутствующих, реагируя на требование выдать копию протокола.

ТИК же ответил заявителям на их многочисленные замечания, среди которых было и замечание о неуведомлении о выезде на голосование вне помещения, следующее: «...при выездном голосовании с 12 часов до 13 часов 20 минут участвовала... наблюдатель партии «Единая Россия»... которая подтвердила факт заблаговременного уведомления о выездном голосовании. Входящих заявлений в избирательном участке № 46–51 не зарегистрировано (не регистрировать же «мелкие кусочки!» — А.Б.), и изложенные Вами факты не нашли своего подтверждения».

Где-то я это читал и много раз слышал. Вспомнил! Это же Чуров со товарищи, старшими и младшими, говорили. После каждых выборов. И им поддакивали разные псевдообщественные контролеры, которые черпали информацию от нижестоящих избирательных комиссий, не склонных почему-то подтверждать факты собственных нарушений.

Продолжим. Заявление от наблюдателя из УИК № 4603: «Я ездила с членами УИК по заявкам на участие в голосовании на дому. Вместо заявок на голосование у комиссии были списки. В некоторых случаях — только фамилия, без и[мени] о[тчества]. По одному адресу никого не оказалось дома. В нескольких случаях соседи или родственники сообщили, что заявитель уехал за пределы города. Большинство избирателей говорили, что заявок никаких не подавали. И в двух случаях по одной заявке проголосовало по 2 человека... Я протестовала, когда вместе с матерью стала голосовать ее дочь, но ей все равно дали бюллетень...». На это заявление есть ответ УИК, хотя затрагивает он лишь последнее из указанных нарушений.

Об аналогичной картине сообщает и наблюдатель из УИК № 4604: «Члены УИК выезжали

на голосование без реестра или выписки из него... Избиратели не проявляли личного желания проголосовать на дому, некоторые из тех, по чьему адресу я прошел с выносной урной, скончались или давно переехали».

А вот и конкретный случай с мистической заявкой: наблюдатель из УИК № 4647 жалуется в УИК, что «работая наблюдателем в составе выездной группы членов комиссии, мною было выявлено, что многих граждан, желавших проголосовать на дому, не было по месту проживания, многие не просили о голосовании дома, а гр[ажданин] И., проживающий по адресу ... умер в 2005 году, и ни он, ни его родственники и соседи не могли выразить желание, а тем более — написать заявление, о голосовании на дому». Председатель УИК (наверняка посоветовавшись с куратором из администрации) отвечает: «24 апреля 2009 г. 17:15 поступило устное заявление по телефону от лиц, представившихся соседями гр[ажданина] И. для голосования вне помещения по состоянию здоровья... При проведении голосования... выяснилось, что вышеуказанный гр[ажданин] И. умер в 2005 году. Так как сама процедура голосования не была нарушена, считаем, что нарушения не было». Сообщая председателю УИК № 4647 Е.В. Фороновой, а также всем вышестоящим председателям, не посчитавшим этот и все остальные случаи достойным внимания, что в данном случае был нарушен не только принцип свободных выборов, но и процедура, ибо в реестр заявок надо заносить ФИО и адрес лица, передавшего обращение. А родственникам покойного, к которым пришли с урной для голосования, готов помочь написать заявление о возмещении государством морального вреда.

Несколько жалоб посвящено голосованию лиц, которые подали заявку прямо во время выездного голосования. В ответ на такую жалобу УИК № 4517 принимает гениально простое решение: «...данное нарушение не влияет на ход голосования. Устранить нарушение — вынести решение о включении М. в реестр».

Предвижу, что некоторые защитники наших выборов будут говорить об излишнем обобщении приведенных фактов, о том, что единичные случаи нельзя распространять вообще на все комиссии и выборы. Сразу скажу: такая критика — от недостатка опыта реального наблюдения на выборах и от непонимания (или нежелания понимать) массового характера выборов. На каждое зарегистрированное заявление о нарушении приходится десяток устных подтверждений аналогичных нарушений. И на каждое замеченное нарушение приходится десяток незамеченных, ибо не каждый замечает такие мелочи. Из этих мелочей складывается общий результат наших выборов, которые таким образом и превращаются в профанацию волеизъявления. Конечно, отно-

сится это не только к нарушениям процедуры выездного голосования, но и ко всем другим избирательным процедурам: выдвижению, регистрации, агитации, финансированию, досрочному голосованию и открепительным удостоверениям, работе со списками избирателей и подведению итогов голосования.

Подведение итогов голосования

Среди заявлений, имеющихся в штабе Немцова, есть и такие, которые говорят о несоблюдении процедур подсчета голосов в УИК. Эти процедуры описаны в российском законе очень тщательно, я бы даже сказал избыточно. Подробность описания процедуры подсчета голосов резко контрастирует с тем, что происходит в реальности. Если на участке оказался грамотный наблюдатель, то большинство норм закона, касающихся подсчета голосов, будет соблюдено, за исключением, пожалуй, трех: проведения итогового заседания с рассмотрением всех поступивших обращений, а также требований к сортировке бюллетеней и к подсчету голосов в рассортированных пачках. К моменту подсчета все присутствующие устают настолько, что члены комиссий, а зачастую и наблюдатели, не горят желанием выполнять закон. Между тем именно на этой стадии часто происходят фальсификации, на предотвращение которых и направлены требования к порядку подсчета голосов.

На участок № 4336, где я наблюдал за подсчетом голосов, я попал через десять минут после окончания голосования, то есть в 20:10. При этом на участке оказался лишь один наблюдатель, да и тот был представлен мне первоначально как «наблюдатель из ТИК», оказавшись впоследствии наблюдателем от «Единой России». Этот наблюдатель, так же как и дама со статусом «директор школы», оказались основными консультантами избирательной комиссии. Все эти обстоятельства, по-видимому, усугубили то, что я увидел на этом участке. А увидел я, что УИК нарушила большинство требований закона, касающихся подсчета голосов. Я, конечно, написал заявление об этом в УИК, но до Рыкова оно не дошло.

Итак, в 20:10 я обнаружил всех членов УИК, копошавшихся вокруг стола с кучей бюллетеней. Списков избирателей поблизости не было — они находились в другой комнате. Увеличенная форма протокола была практически пуста: там карандашом были обозначены только цифры досрочно проголосовавших, из чего мне стало ясно, что комиссия начала подсчет голосов с вываливания на стол всех бюллетеней из ящиков. Для тех, кто не знаком с правилами подсчета, поясню, что сначала должны быть подсчитаны и погашены неиспользованные бюллетени, затем должны быть

произведены подсчеты по спискам избирателей, затем вскрыты и подсчитаны бюллетени в переносных урнах, занесены все полученные цифры в увеличенную форму протокола. И только потом вскрываются стационарные ящики. Все эти требования позволяют проконтролировать правильность подсчета.

Управившись с такой сортировкой бюллетеней минут за десять, довольные члены комиссии взяли себе каждый по пачке и стали пересчитывать их «по уголкам» (закон требует производить подсчеты последовательно в каждой пачке путем перекалывания бюллетеней, чтобы были видны отметки в бюллетенях). В это время мне пришлось в голову сфотографировать процесс, чему пытался воспрепятствовать наблюдатель то ли от «Единой России», то ли от ТИК, то ли от администрации. В неравной борьбе, с привлечением по телефону председателя ТИК, я победил и далее фотографировал свободно.

Предвкушавшие быстрое завершение работы члены УИК в 20:30 собрались было уже писать протокол, но вспомнили, что надо гасить бюллетени. Это заняло некоторое время, после чего выяснилось, что одно из контрольных соотношений не сходится: из урны извлечено на два бюллетеня больше, чем выдано избирателям. Полчаса попыток различного разложения числа 772 на слагаемые, несмотря на усилия директора школы, не привели к желаемому результату: арифметика не хотела сдаваться и сумма оставалась прежней. Погрустневшие члены комиссии были окончательно убиты сообщением, что им еще придется рассматривать мое заявление о том, что они нарушили почти все, что могли. Но сил их хватило только на прочтение и визирование. Решение по заявлению так и не было принято. В 21:30, тыкнув пальцем в число 772 и рассказав комиссии, что оно возникает не из арифметики, а из списков избирателей, я покинул комиссию, предсказав также, что после моего ухода контрольное соотношение сойдется за 2 минуты и что число 772 превратится в число 774. Так оно и случилось.

Я подробно рассказал эту историю, поскольку знаю, что в **большинстве** российских УИК подсчет голосов по рассортированным бюллетеням и подгонка контрольных соотношений производится так же, как в моей 4336-й. Да узнают об этом члены ЦИК и прочих государственных органов!

Другие нарушения

Среди заявлений о нарушениях встречаются и упоминания о других типичных случаях. В первую очередь это попытки воспрепятствовать исполнению своих полномочий наблюдателями и

членами комиссий. Отдельный вопрос — фото- и видеосъемка. За два дня до голосования, предвидя трудности, я обсудил этот вопрос с Рыковым и нашел с ним взаимопонимание. Надо полагать, что основным аргументом для него была не 29-я статья Конституции РФ, а более веский документ — Рабочий блокнот участковой избирательной комиссии, утвержденный ЦИК РФ перед выборами депутатов Государственной думы, в котором черным по белому написано, что наблюдатель имеет права проводить фото- и видеосъемку, не нарушая тайны голосования. Но поскольку для администрации даже этот документ не указ, в субботу она дала независимым избирательным комиссиям указание фотосъемку наблюдателям запрещать. В результате во многих комиссиях наблюдателям фотографировать запретили.

В некоторых комиссиях наблюдателям угрожали, пытались удалить из помещения для голосования, отказывались принимать жалобы и выдавать копию протокола до сверки его в ТИК. На участке № 4608 решение об отстранении от работы члена с совещательным голосом было принято в связи с тем, что «вызванная им территориальная комиссия от кандидата Б.Е.Немцова подорвала авторитет и доверие к работе комиссии». Подобные удаления — обычная практика, но еще ни один председатель УИК не был привлечен за это к административной ответственности. А потому практика будет продолжаться и шириться, вопреки елейным заявлениям декораторов наших выборов.

Некоторые заявления свидетельствуют о попытках голосования за других лиц. Это трудно фиксируемое нарушение (надо видеть предъявляемый паспорт) отмечено в четырех заявлениях. На некоторых УИК не были сброшюрованы списки избирателей, но на этот раз такое нарушение не было повсеместным. Есть заявление об обнаружении в ящике для голосования пачки аккуратно сложенных бюллетеней (около 10 штук).

Стандартной технологией фальсификации российских выборов (распространенной, в частности, в Москве и Московской области) является переделка протоколов УИК в территориальной комиссии. Основным элементом этой технологии является нарушение требования закона о немедленном после прибытия в ТИК внесении данных протокола УИК в увеличенную форму сводной таблицы. Это требование было выполнено в двух из четырех сочинских ТИК. По-видимому, к данной стадии выборов администрация поняла, что можно расслабиться и начать исполнять закон. По результатам сравнения копий протоколов, полученных наблюдателями, с официальными данными можно утверждать, что массовых фальсификаций в ТИК на этот раз не было. Но случаи «доработки» протоколов в ТИК наблюдались и зафиксированы.

Таблица 2. Сравнение результатов выборов по участкам, с которых были получены и не получены копии протоколов, %

	Число принявших участие в выборах	Явка	Досрочное голосование	Голосование на дому	Дзагания	Немцов	Пахомов
По УИК, где есть копии протоколов	99 234	42,2	23,9	11,2	7,0	13,9	72,8
По УИК, где нет копий протоколов	28 170	48,6	25,7	14,6	5,0	10,4	79,8

Наблюдать или не наблюдать?

Откровенно говоря, на настоящих выборах наблюдатели вообще не нужны: честность должны обеспечивать комиссии, за которыми они наблюдают. Эффективность общественного наблюдения в современных российских условиях ставится под сомнение по двум причинам. Во-первых, безграмотное наблюдение — пустая трата усилий. А обучение и воспитание наблюдателей — трудное дело, требующее организационных, юридических, педагогических навыков, и здесь не обойтись пересказыванием закона и банальными фразами, которые можно прочитать в пособиях ЦИКа для наблюдателей. Во-вторых, в последнее время стали размножаться псевдонаблюдатели, задача которых — подтвердить правильность всего, что делалось на участке, а иногда и написать жалобу на настоящих наблюдателей, требуя их удаления.

Штаб Немцова получил 159 заверенных копий протоколов с 211 участков (75,4%). Сравнение результатов на этих участках с результатами участков, с которых протоколы не получены, дает интересную картину (Таблица 2).

Вывод читатель пусть делает самостоятельно.

Ложка меда

Среди копий протоколов, сданных в штаб, был любопытный документ, подписанный наблюдателями из УИК №4636. Там написано: «Голосование проводилось без нарушений. Членами комиссии демонстрировалось знание ФЗ «Об основных гарантиях...», комиссия не препятствовала проведению фотосъемки, допускала к ознакомлению с документами, предоставляла заверенные копии...». Явка на этом участке составила 32% (общая по Сочи — 43,5%), досрочное голосование — 14,3% (24,3%), голосование вне помещения — 2,1% (12%), результат Дзагания 13,2% (6,6%), Немцова — 20,9% (13,2%), Пахомова — 51,6% (74,7%).

Впечатляет, правда? Пахомов победил, но при этом не возникло сомнений в правильности подсчета. Может, так и стоит проводить выборы? Чтобы отсеять «гнусные инсинуации политических неудачников», а заодно и выполнить требования Конституции, законов и международных избирательных стандартов?